Невыученные уроки Хасавюрта[1]

Вадим Корольков

Народов малых и больших на свете нет,
А есть любовь к свободе и родной земле.
Тимур Муцураев. *Война*

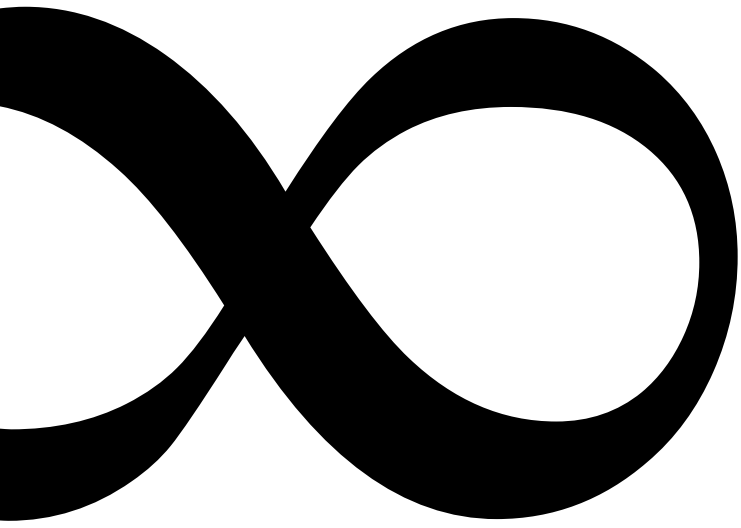

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) — ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

На основании Указа Президента Российской Федерации 2026 год был объявлен Годом единства народов России[2]. В соответствии с этим актом проводится множество тематических мероприятий, направленных на укрепление межнациональных связей и сближение населяющих нашу страну этносов. Трудно переоценить значимость подобных акций для многонационального и многоконфессионального российского общества: ведь обсуждение «национального вопроса» издавна остается для него одним из привычных и трудных занятий. Это объясняется сложным, а подчас и противоречивым отношением россиян к собственной новейшей истории, которая в течение одного только XX столетия явила двойное крушение российской государственности. Причем оба раза линии разломов проходили по этническим границам, порождая ожесточенные межнациональные конфликты. Но если дело обстоит так, то благородная миссия сохранения и укрепления единства народов нашей страны должна включать в себя не только символическое воспроизведение деклараций о равенстве, дружбе и самоопределении, но

1 Автор выражает благодарность своим кавказским друзьям, коллегам и ученикам, без мудрости и гостеприимства которых настоящая статья не была бы написана.

2 См.: *Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 года № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России»*.

CASE STUDY 1

и обстоятельный разговор о негативных факторах и тенденциях, расшатывавших национальное единство в предшествующие исторические эпохи.

31 августа нынешнего года исполнилось тридцать лет со дня подписания Хасавюртовских соглашений, официально завершивших Первую чеченскую войну (1994–1996). В публицистической, исторической и юридической литературе эти соглашения оценивались как «унизительная капитуляция»[3] и «пропагандистский блеф»[4]. В значительной мере подобные интерпретации базируются на том факте, что с военной точки зрения соглашения предполагали отказ от стратегической инициативы федеральных войск и сдачу отвоеванных ими в тяжелых боях позиций в обмен на приостановление боевых действий, ведущихся против них ичкерийскими сепаратистами[5]. В дальнейшем конфликт предполагалось разрешить в политическом ключе, чего, однако, не случилось: в 1999-м попытка чеченских боевиков распространить свое влияние на Дагестан стала причиной возобновления вооруженного противостояния, которое было названо Второй чеченской войной и официально продлилось до 2009 года.

Имеющаяся историческая фактура позволяет взглянуть на Хасавюртовские соглашения как на проблему российского государственного строительства, причем не только в контексте самих по себе двух чеченских войн, но и в оптике продолжающихся ныне вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Обращение к более широкому охвату позволит оценить это значимое историческое событие в контексте всей национальной политики постсоветской России, а саму эту политику протестировать на состоятельность и адекватность.

Кавказ в политической истории России

Кавказ принято считать уникальным регионом. Прежде всего особенным его делает географическое расположение между двумя морями, Черным и Каспийским, — это буквально стык Европы и Азии. Кавказский горный хребет, один из крупнейших горных массивов Европы, разделяет проживающие здесь многочисленные этносы глубокими ущельями и высокими скалами. Указанных характеристик вполне достаточно для того, чтобы

3 См.: Гродненский Н.Н. *Первая чеченская: история вооруженного конфликта.* Минск: Современная школа, 2008. С. 670–671.

4 Трошев Г.Н. *Моя война. Чеченский дневник окопного генерала.* М.: Вагриус, 2004. С. 129.

5 Правительство Чеченской Республики Ичкерия в изгнании признано Верховным Судом Российской Федерации экстремистской и террористической организацией. См.: *Решение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2024 года № АКПИ24-898с*.

регион считался стратегически значимым всеми государствами, которые с ним соседствуют. В частности, для России обладание Кавказом означало контроль над естественной преградой, защищающей ее южные границы, а его геополитическая ценность оставалась непреходящей для всех политических режимов, сменявших друг друга в нашей стране в XX веке. Столь же верно и обратное: политические силы, враждебные российскому руководству разных эпох, неизменно были заинтересованы если не в отторжении, то как минимум в дестабилизации кавказской стратегической зоны.

Приступая к анализу, следует в общих чертах описать основные вехи развития кавказского региона в составе российского государства, а также выделить наиболее сложные проблемы межнациональных отношений, которые возникали здесь на различных этапах отечественной истории. Согласно последним исследованиям, на Кавказе проживают более 60 этнических групп; кроме того, здесь представлены многочисленные течения ислама, христианства, иудаизма и езидизма[6]. Подобные социальные характеристики в сочетании с географическими особенностями делают региональное сообщество одним из наиболее сложных в мире. Предельное разнообразие влечет за собой естественный разброс воззрений на одни и те же бытовые, социальные, политические и религиозные вопросы, что служит неизменным основанием для многочисленных конфликтов. Вековое отстаивание собственных интересов, в которое были вовлечены небольшие по численности народы, проживавшие в суровых климатических условиях, исторически предопределили формирование у них духа коллективизма, а также приверженности клановой и религиозной обособленности. Воплощениями последней стали *тейпы*[7] и *тарикаты*[8].

Формирование в подобном контексте более или менее объективной картины исторических или современных событий требует учета максимально широкого круга разнородных источников. Такая задача предполагает строгое размежевание реальности и фольклора, нередко приукрашивающего значимость отдельных личностей или событий или же, напротив,

6 См.: *Итоги изучения Западного Кавказа* (https://web.archive.org/web/20130517011624/http://genofond.ru/default2.aspx?s=0&p=237).

7 Тейп (тайп) представляет собой клановую общность, основой которой вопреки расхожему мнению может быть не только кровное родство, но и проживание на одной территории или общий тип экономической деятельности, традиционный для данного коллектива. Подробнее см.: Натаев С.А. *Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев*. Махачкала: АЛЕФ, 2019.

8 Тарикат является распространенной формой организации приверженцев суфизма — мистического течения в исламе, распространенного на Кавказе. Этим понятием одновременно обозначаются и метод мистического познания, поддерживаемый строгим соблюдением религиозных правил, и собственно суфийское братство. Подробнее см.: Гродненский Н.Н. *Первая чеченская*… С. 18–20.

оправдывающего действия, которые считаются аморальными. Подобные фольклорные вкрапления встречаются не только в кавказских, но и в русских источниках. Хотя главным мотивом таких искажений обычно выступает любовь к своему народу, они едва ли способствуют конструктивному диалогу, поскольку всегда наталкиваются на аналогичное мифотворчество других народов. Эту оговорку полезно иметь в виду, когда речь идет о любых экскурсах в историю Кавказа.

Горские народы, не имевшие централизованной публичной власти, нельзя было покорить раз и навсегда, как это делалось с иными народами, успевшими обзавестись государственными или протогосударственными институтами.

В отличие от народов Закавказья, этносы Большого Кавказа исторически не имели собственной государственности. Важно, однако, помнить, что у этого кажущегося проявления социально-политической отсталости было вполне логичное объяснение, отсылавшее к сложной географии и проживанию в местах массовых миграций и завоеваний. Кроме того, и это еще более существенно, у отсутствовавшей в кавказском контексте государственности имелась основательная и аутентичная клановая альтернатива. Исторически *племенная демократия* стала способом выживания в крайне враждебных социальных и географических условиях, а верность коллективу и его традициям превратилась в залог преуспевания не только отдельной личности, но и всего социума. Именно в силу сказанного присоединение территорий, отделяющих «основную» Россию от вошедших в ее состав в 1801–1811 годах двух грузинских царств, оказалось исключительно сложным вызовом. Горские народы, не имевшие централизованной публичной власти, нельзя было покорить раз и навсегда, как это делалось с иными народами, успевшими обзавестись государственными или протогосударственными институтами. Поэтому на процедуру их насильственного включения в состав Российской империи, сегодня называемую Кавказской войной, ушло почти полвека (1817–1864).

Средства, которыми располагала империя для разрешения вставшей перед ней проблемы, оказались не слишком адекватными кавказским реалиям, а для разработки новых идей и подходов требовалось время. Задача, однако, представлялась безотлагательной, и поэтому ее решали наиболее доступным и примитивным способом: применением против местного насе-

ления практически неограниченного насилия. Однако, хотя карательные акции 1816–1831 годов ощутимо помогли России укрепиться на Кавказе, они спровоцировали беспрецедентный рост антирусских настроений и возникновение в 1820-х *мюридизма* — исламского военно-религиозного движения суфийского толка, предполагающего беспрекословную покорность послушника (мюрида) духовному руководителю (шейху, имаму), который опирается на мистическую связь с высшими силами. В военном плане мюридизм позволил горцам эффективно перейти к тактике децентрализованной партизанской войны, в ходе которой мюриды соперничали друг с другом в воинской удали. Но в социально-политическом плане это ответвление суфизма вступало в противоречие с традиционным коллективистским укладом жизни местных народов, поскольку отдавало предпочтение нормам религиозного права (шариат) перед нормами обычного права (адаты).

Особую силу мюридизм приобрел в 1834–1859 годах под началом имама Шамиля, сначала возглавившего движение в Дагестане, а затем в Чечне и по всему Северному Кавказу. Имамат Шамиля, в котором радикально настроенная часть племенных элит видела единственный способ защититься от русского натиска, непосредственно угрожал интересам Российской империи: это образование, в частности, делом поддерживало Османскую империю в Крымскую войну (1854–1856). На покорение имамата императорской армией пришелся самый ожесточенный период в истории Кавказской войны. Его успешное завершение было обусловлено прежде всего грамотной военной организацией: русские войска действовали системно, следуя общему плану покорения Восточного Кавказа и слаженно наступая на нескольких направлениях сразу[9]. Горским формированиям нечего было противопоставить передовым достижениям военной науки.

Вместе с тем, завершив операцию, имперская администрация не предприняла тех мер, которые задним числом кажутся напрашивавшимися: не попытавшись модернизировать социально-политические структуры горских народов, она предпочла восстановить уничтоженные Шамилем племенные институты, гарантируя их неприкосновенность. Сохранение жизни самому имаму Шамилю, на десять лет отправленному в ссылку (1859–1869), и отказ от террора в пользу замирения вскоре позволили царским армиям взять под свой контроль и Западный Кавказ — Черкесию, — подведя в 1864 году черту под самой долгой войной в российской истории. Тем не менее значимых изменений в восприятии горских народов имперской

9 Подробнее см.: Фадеев Р.А. *Шестьдесят лет Кавказской войны*. Нижний Новгород: Черная сотня, 2015.

администрацией не произошло: они по-прежнему находились под подозрением, что, во-первых, подтолкнуло массовую миграцию мюридов и их семей в соседнюю Турцию, а во-вторых, регулярно провоцировало восстания в разных частях Кавказа.

Десятилетиями тлевшее недовольство имперской властью вскоре привело к тому, что большинство горских народов в ходе гражданской войны (1917–1922) встало на сторону большевиков. Показательна в этой связи реакция одного из чеченских религиозных деятелей на ультиматум, предъявленный горцам войсками генерала Антона Деникина весной 1919 года:

> «Большевики простые люди, они знают о наших заботах и чаяниях, с ними можно найти общий язык. Мы разделяем их цели, нам они близки. Это то, о чем мечтают простые люди во всех уголках земли. […] Вот уже больше ста лет ваш царь проливает нашу кровь, пытаясь отобрать у нас эту землю. Не им, царем, нам дарованную, а Всевышним для нас определенную! Не найдется, наверное, ни одного чеченца, в дом которого вы не принесли горе. Вам пора понять, что мы, чеченцы, и никто другой, хозяева этой земли. Не мы пришли на вашу землю, выжигая ваши села и разрушая святыни, это вы не даете нам спокойно жить на своей собственной земле»[10].

Кавказцы также задавались вопросами, на которые политическая программа белых генералов не могла дать конструктивного ответа: «Неужто им мало земли своей? Неужто не могут они прокормиться от ее даров? Ведь земли этой у них, говорят, без конца и края»[11].

Но, хотя курс большевиков на построение социализма и решение национального вопроса на руинах «тюрьмы народов» был близок горским социумам, вскоре между ними и новыми властителями обозначились заметные расхождения в том, как лучше достичь этих целей. Советская власть, руководствуясь марксистской догмой, критически воспринимала влияние религии на политические процессы, в то время как ислам, по мнению горцев, оставался единственным средством консолидации их разрозненных сообществ. С одной стороны, использование большевиками формирований мюридов в сражениях гражданской войны с последующим их подавлением в послевоенный период представлялось коммунистам политически резонной комбинацией, но в массовом сознании местных народов она не без оснований воспринималась как предательство. В итоге множественные восстания продолжились в регионе и после установления советской власти. С другой стороны, горские

10 Выступление алима Сугаип-муллы Гойсумова (1837–1932) на совете старейшин 5–8 апреля 1919 года в селе Гойты. Цит. по: Пашаев Н.М. *Кровь и цветы на берегах Хулло*. Грозный: Грозненский рабочий, 2024. С. 32.

11 Там же. С. 67.

народы, и прежде всего чеченцы, с энтузиазмом восприняли массовое изгнание с Северного Кавказа казаков, состоявшееся в 1918–1925 годах, поскольку «зачищенные» станицы передавались им самим[12]. Однако довольно скоро некоторые этнические группы, приветствовавшие репрессии в отношении «кулачества», сами оказались жертвами депортаций.

Сталинский подход к национально-государственному строительству предполагал наличие у этнических групп коллективной субъектности, что означало допущение коллективной ответственности.

В годы Великой Отечественной войны некоторые народы Советского Союза были депортированы советской властью с мест их исторического проживания на основании обвинений в массовом коллаборационизме. С особой жесткостью эти меры применялись в отношении северокавказских народов — карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев, — подвергшихся высылке в 1943–1944 годах. Сталинский подход к национально-государственному строительству предполагал наличие у этнических групп коллективной субъектности, что означало допущение коллективной ответственности. Смысл последней состоял в упразднении организованных национальных автономий (лишение политико-правовой субъектности в рамках советской федерации)[13], а также выселение всего «виновного» этноса с территории исторического проживания в районы Сибири и Средней Азии. Согласно некоторым современным оценкам, процесс депортации представлял собой как минимум гуманитарную катастрофу, а как максимум — геноцид[14]. Для репрессированных народов опыт депортации остался серьезной коллективной травмой и в силу этого превратился в неотъемлемую составляющую социальной и политической идентичности. Он не раз напоминал о себе в последующих событиях, а потому заслуживает отдельного внимания.

Прежде всего депортацию нельзя рассматривать как военную необходимость: карачаевцы и балкарцы были депортированы уже *после* освобождения соответствующих территорий от немецко-фашистских захватчиков, а зоны проживания чеченцев

12 Гродненский Н.Н. *Первая чеченская*… С. 65–91.
13 Подробнее см.: Левин И.Д. *Суверенитет*. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 338–340.
14 См.: Мамедов А.Э. *Депортация (высылка) народов Северного Кавказа и Юга РСФСР в 1943–1944 гг.: правовая оценка // Глобализация, цифровизация и правовая карта мира (сборник статей)* / Под ред. А.А. Бакаева, О.А. Глобенко, Т.В. Радченко, И.В. Титовец. Волгоград: Сириус, 2021. С. 133–140.

и ингушей и вовсе никогда не находились под немецкой оккупацией. Далее, такая мера не соответствовала требованию о соразмерности наказания степени общественной опасности преступления, предусмотренного нормами действовавшего на тот момент Уголовного кодекса РСФСР[15]. И, хотя советская правоприменительная практика допускала наказание без вины (так называемое «объективное вменение»), большинство правовых систем современности считают подобные действия незаконными. Более того, несмотря на формализацию, произведенную посредством указа Президиума Верховного Совета СССР, решение о депортации народов было принято лично Иосифом Сталиным по предложению Лаврентия Берии[16], что позволяет характеризовать данную меру как политическую репрессию, а не как уголовное преследование в установленной форме. Таким образом, депортация чеченцев и других народов Северного Кавказа: (а) не имела военной ценности; (б) была мотивирована личными политическими устремлениями ее инициаторов; (в) не соответствовала ни действовавшему уголовному законодательству, ни общеправовым принципам виновности и соразмерности наказания.

С одной стороны, любые, даже наиболее массовые случаи коллаборационизма должны были оцениваться по отдельности вне зависимости от организационной сложности такого рода уголовных процессов — поскольку применение коллективной вины к безвинным лицам напрямую ставит вопрос о справедливости публичной власти, допускающей подобные отклонения. В этой связи попытки некоторых историков — в частности, Николая Гродненского (Малишевского) — усмотреть в депортациях адекватную реакцию властей на массовый коллаборационизм и системный бандитизм, а также максимально снизить масштабы гуманитарной катастрофы, нельзя считать обоснованными[17]. Воспроизводя логику советских вождей, приписывавших достижения отдельным личностям, а ошибки целым народам, упомянутый автор начинает обсуждение оправдываемой им депортации с перечисления подвигов и заслуг отдельных чеченцев и ингушей в ходе Великой Отечественной войны[18]. Подобные пассажи не только сомнительны с этической стороны, но и явно не способствуют поддержанию единства народов современной России, о чем подробнее будет сказано далее.

15 Статья 18 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года гласила: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера определяются для каждого из соучастников в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности этого преступления и участвовавшего в нем лица».

16 См. подробнее: *Сталинские депортации. 1928–1953* / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД; Материк, 2005.

17 Некоторые чеченские деятели, напротив, чрезмерно завышают указанные масштабы.

18 Подробнее см.: Гродненский Н.Н. *Первая чеченская*… С. 92–129.

С другой стороны, нельзя не подвергнуть критике нередко встречающегося среди представителей ранее репрессированных народов мнения о том, что сама советская власть, допустившая подобные деяния, была «преступной». Довольно скоро депортации были осуждены самой коммунистической партией: выступая на XX съезде КПСС, ее генеральный секретарь Никита Хрущев признал их «вопиющими действиями», которые «никак не диктовались военными соображениями» и представляли собой «грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства»[19]. С 1956 года началась массовая реабилитация репрессированных народов, в ходе которой произошло не только их возвращение на места прежнего проживания, но и состоялось восстановление Чечено-Ингушской автономной республики (1957). Этот процесс был непростым: помимо интересов репатриантов (собственно чеченцев и ингушей), нужно было учитывать интересы проживавших к тому моменту на территории Грозненской области русских переселенцев, которые с санкции союзного центра заняли места изгнанных сообществ[20]. И, хотя возвращение спецпереселенцев изрядно затянулось, трудно спорить с тем, что советская власть, прежде допустившая беззаконие, сама предприняла шаги, без которых реальное восстановление репрессированных в правах было бы невозможно. На излете советской эпохи в силу вступили законы, установившие порядок реабилитации жертв политических репрессий[21], что также подтверждает официальное осуждение российскими властями депортаций — одновременно исключая альтернативные оценки этих трагических событий.

Полураспад и подразумеваемые полномочия

Горестная история региона, наложившись на стагнацию СССР, сформировала питательную среду для крупнейшего в современной истории России внутреннего вооруженного конфликта. Многочисленные войны и карательные акции, включая массовую депортацию 1940-х, лишь усилили противопоставление «своих» «чужим» — причем в глазах не только вайнахов[22], еще

19 При этом первый секретарь иронично добавляет: «Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выселить. А то он бы и их выселил» (Хрущев Н.С. *О культе личности и его последствиях* [1956] // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151–152).

20 Подробнее см.: *Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962). Сборник документов и материалов: В 2 т.* Нальчик: Печатный двор, 2013–2016.

21 См.: *Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-I «О реабилитации репрессированных народов»; Закон РСФСР от 18 октября 1991 года № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий»*.

22 Примечательно, что эндоэтноним «вайнах» (самоназвание чеченцев и ингушей) в переводе на русский означает «свой народ», «свои люди».

крепче сплотившихся вокруг традиционных племенных институтов, но и других кавказских этносов. Прибытие спецпереселенцев на историческую родину сопровождалось эксцессами, наиболее заметными и массовыми из которых стали грозненские беспорядки 1958 года, а также митинг 1973-го, на котором ингуши впервые гласно потребовали вернуть Пригородный район, переданный после их депортации Южной Осетии. Между тем возвращение домой спровоцировало в вайнахских социумах взрывной рост рождаемости, на который советское плановое хозяйство не смогло ответить адекватно: в Чечено-Ингушской АССР не было ни социальной инфраструктуры, ни рабочих мест, посредством которых можно было бы удовлетворять потребности все более многочисленной молодежи, особенно сельской. В условиях системного кризиса советской власти, который был констатирован Михаилом Горбачевым в 1985 году, социальный взрыв в республике оставался лишь вопросом времени.

Последовательность событий, приведших к Первой чеченской войне, представлена с самых разных ракурсов в целом ряде фундаментальных трудов[23]. Поэтому здесь целесообразнее сосредоточиться на их общей логике, вписав в нее некоторые закономерности распада советской государственности. Отмена монополии КПСС на власть, состоявшаяся 14 марта 1990 года в условиях затяжного социально-экономического кризиса, привела к стремительному нарастанию в союзном целом центробежных тенденций. В рамках так называемого «парада суверенитетов» о своей независимости объявляли не только входившие в СССР союзные республики[24], но и автономные республики в их составе. Так, к моменту принятия Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской АССР 27 ноября 1990 года аналогичные акты уже были провозглашены в Северо-Осетинской, Карельской, Коми, Татарской, Удмуртской, Якутской-Саха, Бурятской, Башкирской, Калмыцкой, Марийской, Чувашской, Горно-Алтайской автономных республиках. Суверенизация повсеместно сопровождалась межнациональными столкновениями. Пытаясь справиться с ними, союзная власть неоднократно применяла силу (в 1989 году — в Тбилиси, а 1990-м — в Баку, Душанбе, Оше), после чего всячески пыталась снять с себя ответственность за это.

В начале 1991 года, когда по аналогичному сценарию начали развиваться события в Вильнюсе и Риге, командующий дисло-

23 См., в частности: Гродненский Н.Н. *Первая чеченская…* С. 159–291; Норин Е.А. *Чеченская война: В 2 т.* Нижний Новгород: Черная сотня, 2025. Т. 1. С. 24–74.

24 К моменту принятия 12 июня 1990 года Декларации о государственном суверенитете РСФСР аналогичные документы уже были приняты Эстонией, Литвой, Латвией и Азербайджаном. В течение последовавшего за этим года о суверенитете объявили все остальные союзные республики.

цированными в Прибалтике советскими частями дальней авиации в эфире эстонского радио заявил: если Кремль направит в регион войска для силового наведения порядка, он не пропустит их через вверенное ему воздушное пространство. Этим командиром был генерал-майор советских военно-воздушных сил Джохар Дудаев — первый этнический чеченец, дослужившийся до генеральского звания в Советской армии и накануне своего выхода в отставку избранный председателем исполнительного комитета Чеченского национального съезда. Пережив в детстве депортацию, Дудаев, который стал кадровым военным и получил боевой опыт в Афганистане, пользовался среди соплеменников внушительным авторитетом. Будучи политически неискушенным человеком, он предлагал если и не отделение Чечни от России или СССР, то во всяком случае предоставление ей привилегированного положения в составе обновленной федерации. В этих мечтаниях его вдохновлял опыт прибалтийских республик.

К тому времени уже четко обозначился конфликт между руководством Союза ССР и РСФСР. Желая привлечь на свою сторону национальные автономии, Михаил Горбачев и Борис Ельцин наперебой предлагали им все более обширные привилегии. Если первый — в надежде подточить легитимность российских властей — договаривался с автономиями о предоставлении им полномочий, аналогичных компетенциям союзных республик, то второй, рассчитывая на дополнительную поддержку и нарушая при этом союзное законодательство, одобрил переименование Чечено-Ингушской АССР в Чечено-Ингушскую ССР (24 мая 1991 года)[25]. Когда по инициативе Горбачева стартовал Новоогаревский процесс, призванный реорганизовать советскую федерацию на новых началах, Чечено-Ингушская Республика наряду с остальными автономиями в составе России стала полноправной его участницей. Августовский путч ГКЧП положил конец не только Новоогаревскому процессу, но и советской власти в Чечено-Ингушетии. Уже в сентябре 1991 года Чеченский национальный съезд, реорганизованный в Общенациональный конгресс чеченского народа во главе с Дудаевым, произвел в республике государственный переворот, силой распустив Верховный Совет Чечено-Ингушской ССР и захватив все стратегические объекты. 27 октября того же года прошел референдум о независимости Чеченской Республики — Нохчийчоь (ЧРН) — и прямые выборы ее президента,

25 Положительное отношение российского руководства к Дудаеву отражалось в том, что в Москве его называли «Ельциным в горах» (см.: Батурин Ю.М. и др. *Эпоха Ельцина: очерки политической истории*. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. С. 584). Эта фатальная политическая ошибка тридцать лет спустя звучит как остроумный постмодернистский каламбур, фактическую основу которого, однако, невозможно опровергнуть.

победителем на которых с внушительным перевесом оказался Дудаев. И, хотя плебисцит был признан российскими властями недействительным, а Президент РСФСР попытался ввести на территории Чечни чрезвычайное положение, эти меры были заблокированы союзным руководством. Именно с санкции Горбачева, прямой или косвенной, 1 ноября 1991 года Дудаев, реализуя решения, принятые на референдуме, издал указ, который провозглашал ЧРН суверенным государством.

Распад Союза ССР положил начало управленческой неразберихе, в которой многие должностные лица сплошь и рядом принимали решения, руководствуясь личными интересами, а не общим благом. Зимой 1991–1992 годов, пока в Вискулях и Алма-Ате констатировалось прекращение существования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности», а в Москве происходил передел власти, в Грозном и его окрестностях массово разворовывались армейские склады, где хранилось вооружение. Коррупция на всех уровнях, пронизавшая вооруженные силы уходящего СССР, вселила в сознание сторонников ЧРН ощущение полной безнаказанности. Их ядро составляла безработная, необразованная и малообеспеченная сельская молодежь. Руководствуясь примитивно-стереотипными представлениями о межнациональных отношениях и особой роли чеченского народа в мировой истории, а также упрощенно трактуемыми постулатами исламской религии, эти маргиналы начали консолидироваться в вооруженные группы. Политическая культура чеченского народа, подразумевающая верность коллегиальным формам принятия решений и мнению старейшин, исключает чинопочитание и единоначалие даже при наличии в сообществе чрезвычайно авторитетного лица. Поэтому, хотя Дудаев и стал главой республики, с усилением вооруженных групп его позиции делались все более номинальными. Тем не менее на первых этапах он пользовался невероятной популярностью, особенно после того, как заявил: «Если отделимся от России, у каждого в доме будет золотой краник с верблюжьим молоком!» — очевидно, не до конца понимая, как работает нефтяной рынок и каковы перспективы Чечни на нем[26].

31 марта 1992 года в Москве состоялось подписание Федеративного договора, которое властями ЧРН было проигнорировано. Примечательно, что именно в тот день в Грозном имела место попытка государственного переворота: антидудаевская оппозиция организовала митинг и захватила телецентр, однако никаких дальнейших действий по свержению нелегитимного

26 Цит. по: Брейнингер О. *Социотехническое воображаемое терпит крах: Чечня как «второй Кувейт»* // Неприкосновенный запас. 2019. № 4(126). С. 170.

режима предпринято не было. Подоплека этой акции до сих пор остается неясной (возможно, речь шла о провокации), но, как бы то ни было, она обострила политическую обстановку в республике. Вскоре под нажимом новых властей Чечню покинули остатки советских воинских формирований, которые оставили в республике все вооружение, включая тяжелое. Распад политических и силовых структур, интенсивно шедший в центре, развязал руки местным бандитским формированиям, которые стали фактическими хозяевами Чечни; именно совокупность совершенных ими злодеяний позволила характеризовать республику как «криминальный режим»[27]. В наиболее тяжелом положении оказались проживавшие здесь этнические русские, не имевшие ни институциональной, ни тейповой поддержки. Бесконечные нападения, которым подвергались славянские этнические меньшинства, привели к массовому отъезду из Чечни квалифицированных кадров, в результате чего довольно скоро большинство промышленных предприятий республики прекратило функционировать.

Федерация, от которой фактически отпала часть территории, долгое время не предпринимала реальных шагов, нацеленных на возвращение мятежной республики в свое политико-правовое пространство. Федеральный центр был более озабочен развернувшейся тогда приватизацией государственных предприятий и усугублявшимися на этом фоне противоречиями между исполнительной и законодательной властями: российскому руководству эти сюжеты казались важнее территориальной целостности. Кстати, нынешняя ельцинская апологетика подтверждает сказанное:

> «Сегодня, когда мы знаем о последствиях, можно сказать, что действия федерального Центра были абсолютно неэффективными. Но тогда чеченская проблема находилась на политической периферии, поскольку в самой Москве происходили более глобальные процессы — создание новой российской государственности, подготовка к экономическим и политическим реформам. Поэтому и средства решения чеченского кризиса были далеко не адекватными. Все свелось к фрагментарным контактам с руководством Чечни, что не сдвинуло с места ни одну из составлявших кризис проблем»[28].

К тому моменту все предприятия в Чечне уже были захвачены, но из-за кадрового голода управлялись из рук вон плохо, что подталкивало новую власть к поиску новаторских источников доходов. Вскоре таковые были найдены: ими стали

27 О преступлениях, совершенных в республике в то время, подробнее см.: *Криминальный режим. Чечня. 1991–1995 годы.* М.: Кодекс; Объединенная редакция МВД РФ, 1995.

28 *Эпоха Ельцина…* С. 591.

похищения людей ради получения выкупа, разбойные нападениях на железнодорожные составы, самовольные «врезки» в нефтепроводы, приобщение к международному наркотрафику. Существование бандитской вольницы в стратегической точке Северного Кавказа было выгодно и многим российским олигархам, напрямую сотрудничавшим с властными группировками ЧРН ради проведения сомнительных или незаконных сделок. В этой связи обращает на себя внимание по сей день сохраняющееся расхождение взглядов на одни и те же криминальные деяния той поры. Если, скажем, с российской точки зрения подложные банковские авизо 1990-х оставались сугубо чеченским изобретением[29], то в чеченской перспективе они виделись проявлением коррупционного загнивания федерального центра:

> «Московская, в большинстве случаев банковская, мафия использовала чеченцев как грубую рабочую силу. Им доставались крохи с барского стола. 90% похищенных из государственного бюджета средств с использованием фальшивых авизо переправлялись в западные банки, а большая часть — в Израиль»[30].

Аналогичным образом разнятся мнения и относительно того, получала ли отпавшая Чечня средства из федерального бюджета: русские источники утверждают, что деньги, необходимые для содержания разогнанных дудаевцами государственных органов, поступали чуть ли не до конца 1994 года, а чеченские наблюдатели, напротив, настаивают, что с самого провозглашения «независимости» Москва бросила республику на произвол судьбы, несмотря на то, что та всегда была дотационной и переживала глубочайший кризис. Не исключено, что взаимные и стереотипные обвинения, имеющие выраженный националистический подтекст, нужны были для отвлечения внимания от масштабных (и организуемых сразу с двух сторон) хищений, реальный ущерб от которых, по современным оценкам, варьируется от нескольких сотен миллионов до нескольких миллиардов долларов США[31]. При этом достоверно известно, что поставки сибирской нефти, направляемой для переработки Грозненскому нефтеперерабатывающему заводу, продолжались вплоть до начала Первой чеченской войны, а проходивший через республику трубопровод продолжительное время оставался важным источником финансирования ЧРН.

Вялым переговорам, шедшим между российским и чеченским руководством на протяжении всего рассматриваемого периода,

29 Норин Е.А. *Указ. соч.* Т. 1. С. 63.
30 Умалатов У.Б. *Чечня глазами чеченца.* М.: Единство, 2001. С. 28.
31 Норин Е.А. *Указ. соч.* Т. 1. С. 63–64.

было присуще отсутствие сколько-нибудь внятных планов урегулирования кризиса. Кроме того, диалогу мешали и личные обиды. 17 апреля 1993 года «Ельцин в горах» произвел государственный переворот, силой распустив республиканские кабинет министров, парламент и конституционный суд. Той же весной Ельцин в Москве вступил в жесткое противостояние с Верховным Советом и Съездом народных депутатов Российской Федерации, завершившееся через полгода применением силы — то есть тем же способом, какой ранее использовал Дудаев[32]. 7 октября чеченский руководитель направил в Кремль поздравительную телеграмму, в которой одобрил «действия по подавлению коммунистического фашистского режима в Москве»[33]. Не придававший особого значения предыдущим попыткам Дудаева выйти на контакт для решения накопившихся проблем[34], Ельцин почему-то почувствовал себя задетым именно этим посланием. Категорически отказавшись от личной встречи с мятежным чеченским лидером, он в своем послании к Федеральному Собранию 1994 года заявил, что основой для урегулирования отношений между Центром и Чечней «могут стать проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры по разграничению полномочий с федеральной властью»[35]. Тем самым Дудаеву было однозначно отказано в легитимности, что не могло не способствовать дальнейшему обострению ситуации. Впрочем, высказывается также и мнение о том, что личные переговоры двух президентов навряд ли смогли бы изменить положение дел к лучшему, поскольку «стороны уже вошли в клинч»[36].

К 1994 году на территории Чечни уже более двенадцати месяцев происходили столкновения между сторонниками Дудаева и оппозицией, вооружившейся после разгона парламента. Дестабилизация смежных субъектов федерации и расползание сферы преступной активности чеченских бандформирований подталкивали федеральные власти к силовому выходу из кризиса. Правда, принимаемые в этой связи шаги оставались половинчатыми и непродуманными. Сначала было решено тайно укрепить антидудаевскую оппозицию российским воинским контингентом, оснащенным тяжелым вооружением, чтобы снести «криминальный режим» руками соплеменников. Когда же эта попытка в ноябре 1994 года с треском провалилась, то попавшие в плен российские солдаты и офицеры,

32 Подробнее об этом столкновении см. мою статью: Корольков В.В. *О родовой травме российской правовой системы* // Неприкосновенный запас. 2023. № 5(151). С. 6–18.
33 Гродненский Н.Н. *Первая чеченская*… С. 261.
34 См.: *Эпоха Ельцина*… С. 591–594.
35 Там же. С. 594.
36 Норин Е.А. *Указ. соч.* Т. 1. С. 78–79.

сражавшиеся в обмундировании без опознавательных знаков, были фактически брошены федеральной властью. Отрицая вмешательство федеральных сил во внутреннюю междоусобицу в Чечне, министр обороны Павел Грачев высказался афористично: «Если бы воевала российская армия, то по крайней мере одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все вопросы»[37]. К сожалению, за этими словами крылась катастрофическая недооценка противника и политической обстановки в целом. Наспех подготовленный штурм Грозного в конце декабря 1994 года оказался еще более провальными по той же причине.

Юридической основой этих военных мероприятий стали указы Президента Российской Федерации, направленные на «восстановление конституционной законности и правопорядка» и «пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований» на территории Чеченской Республики. Указы предусматривали мероприятия по разоружению незаконных вооруженных формирований при помощи «всех имеющихся у государства средств», включая бронетехнику и фронтовую авиацию, — причем без введения режима чрезвычайного или военного положения. В силовой спецоперации Кремлю виделась не реальная военная кампания, а скорее короткая акция психологического устрашения, которая, по мнению Ельцина, не требовала особых формальностей. Однако после начала ожесточенных боев многие начали задумываться о законности проводимых военных мероприятий. В частности, президентские указы стали предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации в так называемом «чеченском деле», инициированном группой парламентариев[38]. Орган конституционного контроля не усмотрел в формулировке «все имеющиеся у государства средства» никакой неопределенности; кроме того, он признал за Президентом России право издавать подобные акты в целях защиты суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности в соответствии с частью 2 статьи 80 Конституции страны. Неоправданно отождествляя функции органа власти и его конкретные полномочия, Конституционный Суд признал легальной концепцию «*подразумеваемых полномочий*» Президента Российской Федерации, согласно которой глава

37 Цит. по: Там же. С. 94–95.

38 См.: *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 года № 10-П*. Среди инициаторов обращения в Конституционный Суд были председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам Исса Костоев, его заместитель Елена Мизулина, депутаты Государственной Думы Герман Карелин и Анатолий Лукьянов, а также бывший министр юстиции Российской Федерации Юрий Калмыков, ушедший со своего поста в знак протеста против ввода войск в Чечню.

государства *de facto* может принимать любые решения, оправдывая их заботой об общем благе. Упомянутые юридические детали приобретают крайне важное значение в контексте предшествующего анализа: ведь Президент Российской Федерации как гарант Конституции Российской Федерации, не сделавший ничего для предотвращения конфликта или даже, напротив, сделавший многое для того, чтобы конфликт вызрел, а потом перерос в затяжное и ожесточенное противостояние, тем не менее получил карт-бланш на любые будущие мероприятия, направленные, *по его субъективному мнению*, на защиту конституционного строя.

От восстановления конституционной законности ко второй войне

Среди ключевых факторов, из-за которых жестокость в ходе Первой чеченской войны приняла особенные масштабы, были демонизация и расчеловечивание противника, практиковавшиеся по обе стороны фронта. Нагнетая мобилизационные настроения, стороны постоянно апеллировали к трагической истории межнациональных отношений на Кавказе, изобиловавшей поводами для недоверия и неприязни. Перед российскими военнослужащими ставилась цель «восстановления конституционной законности и правопорядка» в республике, поднявшей мятеж, а все лица, не согласные с силовым натиском, приравнивались к бандитам. Это вписывалось в традиционный еще для царской эпохи нарратив «приобщения горских варваров к цивилизации», а также косвенно оправдывало советские этнические депортации. В свою очередь чеченские власти делали упор на «самоопределение», «антиколониализм», «отражение имперской агрессии». В республике насаждался собственный, альтернативный, нарратив, представлявший горцев маленьким и свободолюбивым народом, защищающим свои традиции и святыни от «вечного угнетателя», по отношению к которому любая жестокость объявлялась оправданной. Совокупный итог был вполне ожидаемым: с одной стороны, восстанавливающая конституционную законность и правопорядок армия неоднократно нарушала конвенциональные нормы ведения войны, зачастую не делая разницы между комбатантами и мирными жителями[39], а с другой

39 См., например, отчет комиссии Государственной Думы о трагедии, имевшей место при штурме федеральными войсками села Самашки 7 апреля 1995 года: *Комиссия Говорухина. Кто развязал кровавый конфликт в Чечне? Правда, которую не хотят знать. Свидетельства, заключения, документы, собранные Комиссией под председательством С.С. Говорухина.* М.: Лавента, 1995. С. 106–134.

стороны, некоторые чеченские интеллектуалы пытались оправдывать террористические акции в гражданском тылу, героизируя преступников[40].

Несмотря на крайнюю дезорганизацию и огромные потери, российские войска смогли захватить Грозный и большинство других стратегических пунктов. Но сопротивление ичкерийских сепаратистов этим не было сломлено — наоборот, они развернули против федеральных сил изощренную партизанскую войну, поддерживаемую значительной частью местного населения. Наряду с ней средством достижения военно-политических целей стали террористические атаки чеченских боевиков, направленные против мирного населения в Буденновске (1995) и Кизляре (1996). И если в установлении политического контроля над мятежным регионом российские власти и предпринимали слабые попытки системных решений — например, в декабре 1995 года главой республики был избран пророссийский оппозиционер Доку Завгаев, который, впрочем, не пользовался большой популярностью среди соотечественников, — то к эффективному противодействию терактам в глубоком тылу они совсем не были готовы. Кроме того, в России приближались президентские выборы, в ходе подготовки к которым Ельцину очень хотелось предъявить избирателям какие-то успехи либо на фронте, либо в переговорах. Между тем периодически заключаемые краткосрочные перемирия вместо дипломатических прорывов заканчивались лишь перегруппировкой сепаратистов, а убийство Дудаева 17 апреля 1996 года так и не обеспечило федеральным силам желаемой стратегической инициативы. Уставшее от войны российское общество в напряжении ждало радикальных сдвигов.

{Уставшее от войны российское общество в напряжении ждало радикальных сдвигов.

На этом фоне в начале июня, за неделю до президентских выборов, между противоборствующими сторонами был запущен переговорный процесс. Вскоре после своей победы на выборах Ельцин назначил генерал-лейтенанта Александра Лебедя, поддержавшего его кандидатуру во втором туре голосования, секретарем Совета Безопасности Российской Федерации с неограниченными полномочиями по части переговоров

40 См. показательный, хотя и более поздний, пример: Умалатов У.Б. *Указ. соч.* С. 57–59. [См. также критику этой работы за предвзятость и необъективность: Синельников М. *«Чечня глазами чеченца». И не чеченца* // KM.RU. 2010. 20 августа (www.km.ru/news/chechnya_glazami_chechencza_i_ne). — *Примеч. ред.*]

с сепаратистами. Между тем ранее заключаемые соглашения о прекращении огня то и дело нарушались каждой из сторон, а в августе 1996 года боевики и вовсе прорвались в Грозный, практически захватив разрушенную столицу республики. Амбициозные планы генерала Лебедя предполагали заключение стабильного перемирия, которое не только предоставило бы российским силам возможность среднесрочного восстановления, но и принесло бы ему лично лавры миротворца, желательные для продолжения политической карьеры. Однако в погоне за званием человека, остановившего войну, генерал повторил ошибки тех, по чьей вине она началась: решая конъюнктурные и личные задачи, переговорщик не считался ни с текущей обстановкой, ни с общим социально-политическим контекстом чеченского конфликта.

Хасавюрт расположен на равнине, раскинувшейся у подножия гор на границе Чечни и Дагестана; через него проходит один из основных транспортных маршрутов, соединяющих две республики. Национальный состав населения Хасавюрта всегда отражал его приграничное состояние: большинство проживающих здесь — этнические чеченцы, однако местные дагестанские этносы делают Хасавюрт многонациональным торговым городом, причудливо сочетающим характеры и обыкновения разных народов. Именно здесь после продолжительных переговоров 31 августа 1996 года было обнародовано совместное заявление секретаря Совета Безопасности Александра Лебедя, его заместителя Сергея Харламова, начальника главного штаба вооруженных сил ЧРИ Аслана Масхадова и вице-президента ЧРИ Сайд-Хасана Абумуслимова, в котором объявлялось, что конфронтация завершена миром. К заявлению прилагались «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой»[41], которые предусматривали не только прекращение боевых действий, но и вывод вооруженных сил Российской Федерации из Чечни, а также продолжение переговоров по урегулированию политических отношений.

Современные оценки Хасавюртовского соглашения решительно расходятся: если российские консерваторы-государственники видят в них предательство армии, беззастенчиво осуществленное циничными политиками[42], то апологеты Ичкерии, напротив, называют договоренности «хитрой уловкой», позволившей Москве подготовиться к возмездию за якобы понесенное ею военное поражение[43]. Однако если

41 См.: Гродненский Н.Н. *Первая чеченская*… С. 675–676.
42 Там же. С. 623–672.
43 Умалатов У.Б. *Указ. соч.* С. 111.

руководствоваться более реалистичными оценками, то Хасавюртовский мир стоило бы назвать долгожданной передышкой, цена которой вместе с тем совершенно не соотносилась с наличной ситуацией на фронте, характеризовавшейся очевидной стратегической инициативой российских войск, пусть даже дурно управляемых и основательно потрепанных[44]. Неумение Москвы конвертировать военное преобладание в политический успех стало главной проблемой завершения Первой чеченской войны.

Оценки Хасавюртовского соглашения решительно расходятся: если российские консерваторы-государственники видят в них предательство армии, то апологеты Ичкерии называют договоренности «хитрой уловкой», позволившей Москве подготовиться к возмездию за якобы понесенное ею военное поражение.

Половинчатость и непоследовательность Хасавюртовских соглашений проявились довольно скоро. Хотя они и привели к символическому успеху в виде Договора о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия, подписанному непосредственно Ельциным и Масхадовым 12 мая 1997 года[45], перспективы воплощения обоих соглашений в жизнь оставались туманными. Главным препятствием была невозможность полной интеграции в состав России территории республики, кишащей вооруженными отрядами, что предопределяло неминуемое возобновление конфликта. Касаясь конкретных причин, обусловивших новую вспышку боевых действий в 1999 году, комментаторы нередко обращаются к теориям заговора: если ичкерийские апологеты называют главным поводом «бесконечные провокации» российских спецслужб[46], то авторы-державники видят их в происках зарубежных врагов России[47]. Представляется, однако, что у Второй чеченской войны были

44 Норин Е.А. *Указ. соч.* Т. 1. С. 305–310.
45 См. подробнее: Гродненский Н.Н. *Первая чеченская…* С. 677–701.
46 Умалатов У.Б. *Указ. соч.* С. 111–113. Примечательно, что главный минус сепаратистского руководства в межвоенный период этот автор усматривает в следующем: «Обладая большими финансовыми средствами, они не без гордости демонстрировали свое богатство. Строили и приобретали громадные особняки для себя и своих многочисленных жен. Все это происходило на фоне неслыханного обнищания народа и почти стопроцентной безработицы» (с. 115).
47 См.: Гродненский Н.Н. *Вторая чеченская: история вооруженного конфликта.* М.: Русская панорама, 2010. С. 10–121.

прежде всего объективные причины: по-прежнему оставались нерешенными политико-правовые проблемы, связанные со статусом Чечни; на территории республики действовало множество неподконтрольных сепаратистскому руководству вооруженных формирований; народное хозяйство и социальная инфраструктура были уничтожены; легальные рабочие места отсутствовали[48]. Катастрофические условия жизни способствовали популярности среди молодежи исламского фундаментализма, предлагавшего простые ответы на сложные вопросы и в силу этого в межвоенный период укрепившего свое влияние не только в Чечне, но по всему Северному Кавказу. Экспансия исламистского экстремизма в соседние с Чечней регионы, и прежде всего в Дагестан, послужила непосредственным поводом к возобновлению боевых действий.

Вторая чеченская война оказалась еще более жестокой, масштабной и катастрофичной во многом из-за того, что теперь на первый план вместо национальных вышли религиозные мотивы. Ход этого конфликта и его политические последствия для современной России нуждаются в отдельном рассмотрении, однако его связь с Первой чеченской войной и половинчатым характером Хасавюртовских соглашений неоспорима. Немаловажно и то, что главное различие двух кампаний проявилось скорее в военном, а не в политическом отношении. Российская армия научилась воевать в горных условиях, освоила эффективные методики антипартизанских операций, а федеральные правоохранительные органы начали более или менее действенно противостоять терроризму. Однако политические цели федерального Центра, как и программа организации мирной жизни в разрушенной республике, оставались непроясненными. Победив в силовом противостоянии, федеральные власти содействовали формальному признанию Чеченской Республики субъектом Российской Федерации на основании республиканской Конституции, принятой на референдуме 23 марта 2003 года. Однако серьезнейшей проблемой оставался вопиющий дефицит новых идей и подходов, касавшихся дальнейшего развития региона в частности и организации межнациональных отношений в целом. Первая кампания, спорный Хасавюртовский мир, возобновление войны и перспективы умиротворения беспокойного региона осмыслялись по большей части в рамках архаичных дореволюционных или советских нарративов, что никак не способствовало утверждению консенсусных трактовок недавней чеченской истории.

48 Подробнее см.: Норин Е.А. *Указ. соч.* Т. 2. С. 11–65.

Феодализм постмодерна

Хасавюртовские соглашения и успех второй кампании открыли для России возможность не только переосмыслить отношения с Чечней и другими народами Северного Кавказа, но и переформатировать всю национальную политику. Закулисная сделка, «обнуляющая» военные достижения и людские потери, позволяла — в принципе — придать дальнейшему развитию государственности бóльшую осмысленность и побудить политические элиты относиться к своим обязательствам перед обществом более ответственно. Однако работа над ошибками не состоялась: Вторая чеченская война отличалась от первой лишь в организационном и военно-тактическом отношении, но не в сделанных по ее итогам политических выводах. Более того, сами причины, породившие на Северном Кавказе сепаратизм, терроризм, исламизм, в значительной степени остались в неприкосновенности: чеченские события продолжали восприниматься властями как «особые» проблемы «особого» региона, а не как проявление системных сбоев в одной из самых самобытных частей России.

Санкционировав начало боевых действий без введения военного или чрезвычайного положения и ограничившись форматом «специальной» или «антитеррористической» операции — то есть, пренебрегая минимальными правовыми гарантиями для мирного населения, — федеральные власти смогли достичь поставленных ими военных целей. Однако сомнительная юридическая форма играла на руку многочисленным на тот момент критикам чеченской войны, которые утверждали: в обновляемой России продолжает торжествовать право сильного. Превращение Чечни в криминальную вольницу действительно не оставляло места для иных вариантов, кроме силового сценария, но согласие с этим тезисом не снимает вопросов ни об истоках этого явления, ни о дальнейшем поведении федеральных властей на освобожденных территориях. Две войны привели не только к тяжелейшей гуманитарной катастрофе в Чечне и соседних субъектах федерации, но и едва ли не полностью стерли — вместе с народным хозяйством республики — инфраструктуру управления чеченским социумом. В итоге возвращение Чечни в рамки российского политико-правового пространства оказывалось не восстановлением, а возведением с нуля; причем, руководствуясь правом победителя, российские власти могли бы — при наличии у них такого желания — учреждать и поддерживать посредством государственного принуждения любые новые институции, включая самые передовые и прогрессивные. Но, как это ни прозаично, вместо осмысленной институциональной композиции у российского государства

рубежа 1990–2000-х, переустраивающего Чечню, получился лишь миниатюрный автопортрет. Избрав путь наименьшего сопротивления и пропустив исправление системных ошибок, в бывшей мятежной республике сконструировали режим, в деталях воспроизводящий федеральный аналог. Характерными чертами обоих стали: (а) клановость; (б) гипертрофированная роль силовиков; (в) непрозрачность выработки важнейших решений; (г) непреодолимые затруднения с обеспечением преемственности власти.

Возвращение Чечни в рамки российского политико-правового пространства оказывалось не восстановлением, а возведением с нуля; причем российские власти могли бы учреждать и поддерживать посредством государственного принуждения любые новые институции, включая самые передовые и прогрессивные.

Подобные системы, появившиеся тогда не только на Кавказе, но и в других частях страны, которые образно можно назвать неофеодальными, предполагают обширную автономию вассала, присягающего лично сюзерену и обеспечивающего безопасность в закрепленных за ним владениях. Взамен вассалу выделяется рента, которая необходима для поддержания (или восстановления) «феода», а также оплаты услуг местных силовиков и бюрократов. Подобно тому, как нефтяная рента 2000-х породила ощутимое социальное расслоение на общероссийском уровне, военная рента на Северном Кавказе произвела тот же эффект в региональном сообществе. В свою очередь сходство политических и экономических паттернов в атмосфере идеологического вакуума обусловливает бытование как в стране в целом, так и в отдельных ее частях схожих социальных практик и стереотипов. Их общей основой становится сведение многоцветия общественно-политической жизни к дуальным противопоставлениям. Внешне все это очень напоминает явление, в годы перестройки названное «оборонным сознанием».

Его повторное появление на свет имеет свое объяснение. Переживание последствий крушения СССР стало для отдельных сегментов постсоветского мира — к числу таковых принадлежит и Россия — серьезнейшим вызовом, в ходе противостояния которому куски бывшего государства, не умея обзавестись свежими воодушевляющими, оптимистичными и преобразующими нарративами, продолжают вынужденно генерировать

старые матрицы смыслов, несмотря на то, что в пригодность последних мало кто верит. Например, в попытке успокоить себя хотя бы видимостью контроля современный российский социум на разных своих этажах одобряет и поддерживает бесконечный реестр ограничений, в последнее время включающий даже контроль над использованием родного языка. В этой связи удивительно конгруэнтными выглядят, с одной стороны, новые требования федерального законодательства,

Подобно тому, как нефтяная рента 2000-х породила ощутимое социальное расслоение на общероссийском уровне, военная рента на Северном Кавказе произвела тот же эффект в региональном сообществе.

запрещающие использовать иностранные слова в коммерческой сфере[49], а с другой стороны, неформальный отказ от использования русского языка в бытовом общении, которого сегодня стараются придерживаться в некоторых чеченских семьях. Упомянутые и иные паллиативные меры, внедряемые ради защиты идентичности, которая якобы находится под угрозой внешних сил, призваны лишь заглушить страх защищающихся перед неустойчивостью и зыбкостью собственного места в историческом процессе. Однако помочь людям вырваться за пределы коллективного стресса и перебороть его подобные «предохранители» не в состоянии. Уместно заметить, что по мере того, как бюджетные средства, выделяемые на нужды социальных паллиативов, иссякают, подавляемая коллективная боль возвращается с новой силой.

Преодолению перечисленных тенденций и вытекающего из них партикуляризма могло бы способствовать формирование общегражданской российской идентичности — сложного нарратива, которым Кремль пытался в первой четверти XXI века заменить концепцию «советского народа», активно, но, как позже выяснилось, безуспешно продвигавшуюся коммунистическим государством на исходе своей эпохи. Общие рамки этого процесса были заданы Стратегией государственной национальной политики (2012)[50], однако появление в 2020 году в Конституции Российской Федерации понятия *государствообразующего народа* (часть 2 статьи 68) обозначило очередную перетасовку

49 См.: *Федеральный закон от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*.

50 См.: *Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»*.

приоритетов. Новая редакция Стратегии государственной национальной политики (2025)[51] содержит набор паллиативных гарантий, адресованных по большей части самому крупному этносу страны. После знакомства с этим документом может возникнуть впечатление, будто потенциальная угроза потерять собственную идентичность беспокоит только русских и не затрагивает прочие российские этносы. Кроме того, подобная установка, как представляется, не может не ставить под вопрос конституционное позиционирование «многонационального народа России», который провозглашен Основным законом Российской Федерации «сувереном» (часть 1 статьи 3)[52]. В целом же продекларированные новшества в сфере национальной политики едва ли поспособствуют формированию институциональной основы, которая позволила бы системно решать вопросы, интересующие многочисленные этнические сообщества современной России.

Год единства народов России задает хорошие рамки для публичного обсуждения этой непростой темы. В тридцатую годовщину заключения Хасавюртовских соглашений, помимо вопросов, связанных с умением политических деятелей недавнего прошлого вести переговоры или использовать военные

Переживание последствий крушения СССР стало для отдельных сегментов постсоветского мира серьезнейшим вызовом, в ходе противостояния которому куски бывшего государства, не умея обзавестись свежими преобразующими нарративами, продолжают вынужденно генерировать старые матрицы смыслов.

успехи, уместно было бы поднять и более глубокий пласт, поразмышляв об ошибках, из-за которых ужасные конфликты, подобные чеченскому, вообще оказываются возможными. Все это создало бы условия для осознания того, что главной ценностью российской национальной политики является *единство в многообразии*. И тогда ее главным ориентиром могла бы стать новая, предпринимаемая на более продвинутом уровне попытка сформировать *общероссийскую гражданскую идентичность*. Интересно, что, в отличие от дореволюционной

51 См.: *Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 года № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»*.

52 Подробнее см.: *Конституция России после реформы 2020 года: проблемный комментарий* / Под ред. А.Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2025. С. 129–131.

империи Романовых, культивировавшей экспансию под эгидой «русскости» в интересах немногочисленного привилегированного сословия, или советского «государства наций», пренебрегавшего ролью и значимостью самой многочисленной этнической группы во имя иллюзий утопического проекта, современная Российская Федерация может организоваться на принципиально иных началах. Общероссийская гражданская идентичность позволит этническим русским, образно говоря, «поделиться державностью» со всеми этносами, которые будут воспринимать по-настоящему «своими» не только небольшие части российской территории, осваиваемые их предками, но и всю Россию с ее культурным капиталом, природными богатствами, историческим наследием, ценностными и прагматическими претензиями. Это в свою очередь позволило бы реализовать единую политику памяти, которая признает общенациональными не только достижения и победы, но и трагедии отдельных народов — включая завоевания, репрессии, депортации. В рамках переосмысления общенационального прошлого репрессивные практики минувших времен будут трактоваться как акции, уязвившие и травмировавшие не только отдельные этнические группы, а *всю* ныне единую гражданскую нацию.

Принятие подобных событий в качестве трагических страниц *общей истории* — чрезвычайно важный шаг. Сплоченность многонационального российского народа можно упрочить не только за счет установления новых памятных дат, создания мемориалов, поддержки исторических изысканий, но и посредством законодательного недопущения радикальных интерпретаций памятных вех — идет ли речь об оправдании депортаций или же одобрении «партизанщины». В том же ключе можно культивировать политику памяти и касательно некоторых недавних событий, которые надо, наконец, признать гражданскими конфликтами, обусловленными разложением и распадом СССР. Реализация как этих, так и множества иных решений, шагов и мер повлечет за собой системные и институциональные результаты — а потому она неизмеримо важнее любых кадровых перестановок в структурах власти, пересмотров принципов фискального федерализма или каких-то других сиюминутных мероприятий.

* * *

Краткое осмысление опыта двух чеченских войн приводит к выводу, что их причиной послужила безответственность советских, российских и чеченских политических элит, позволивших себе увлечься конъюнктурными и корыстными

целями, поставив их выше общественного блага. Платой за их ошибки стали десятки тысяч жизней военных и гражданских лиц, разрушение экономики региона с миллионным населением и коллективная травма нескольких поколений. Опыт Хасавюртовских соглашений свидетельствует, что заключение худого мира обязательно повлечет за собой еще более худую войну, особенно в том случае, если мирный договор не содержит в себе позитивной программы по устранению первопричин конфликта. Превознося мнимую бесконфликтность, каковой просто не бывает в природе, или продвигая старинные нарративы, непригодные в условиях нынешнего дня, невозможно заложить фундамент никакого более или менее прочного будущего. А невыученные уроки истории способны напоминать о себе снова, снова и снова, ставя под сомнение гражданский мир и межнациональную гармонию.